

Pa

Автор:

Тур Хейердал

«Pa»

Тур Хейердал

Дневник путешественника

Встречались ли древние египтяне, мексиканцы, жители острова Пасхи, викинги друг с другом? Как и когда? Действительно ли океан – преграда? Неужели на хлипком суденышке из папируса возможно пересечь сотни морских миль? Да, если во главе этого непотопляемого «лайнера "Pa"» стоит отважный норвежский путешественник Тур Хейердал (1914–2002). Преодолев шторма, встречу с морскими чудовищами, он докажет себе и всему миру, что во времена строительства египетских пирамид население земли обожало морские путешествия и отнюдь не Христофор Колумб был первым европейцем, ступившим на американский континент. Благодаря мастерству русского переводчика Л. Жданова (1924–1995), читатель настолько увлечется искрометным рассказом очевидца событий, что усомнится в непридуманности истории. Однако написанному стоит верить, в нем все слова правдивы!

Счастливого плавания!

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Тур Хейердал

«Pa»

© Gyldendal Norsk Forlag AS, 1948

© Л.Л. Жданов, наследники, перевод на русский язык, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Глава 1

Один ребус, два ответа и никакого решения

Ветер качает тростинку.

Мы обламываем ее.

Она лежит на воде и не тонет.

Посади лягушку – выдержит.

Ветер колышет 200 тысяч тростинок,

вдоль берега простерся сплошной зеленый луг.

Мы срезаем тростинки. Вяжем большие снопы. Кладем на воду. И становимся на них. Русский, уроженец Чада, мексиканец, египтянин, американец, итальянец и я – норвежец. С нами обезьянка и тьма кудахтающих кур. Мы пойдем в Америку. Пока что мы в Египте. Ветер несет песок, кругом сушь, кругом Сахара.

Абдулла заверяет меня, что снопы будут держаться на воде. Я объясняю ему, что до Америки далеко. Он слышал, что в Америке не любят черную кожу. Я стараюсь его убедить, что это не так. Он не знает, в какой стороне Америка. Но мы до нее доберемся, если ветер дует туда. Снопы нас не подведут, только бы

веревки выдержали, говорит он. Только бы веревки выдержали. Выдержат или нет?

Кто-то потряс меня за плечо, я проснулся. Абдулла.

- Три часа, - докладывает он. - Мы опять начинаем работать.

Палатка горячая от солнца. Я сел и, прищурив глаза, выглянул наружу. Там владычествовали сухой зной и слепящее солнце Сахары. Солнце, солнце, солнце. Накаленная солнцем плоскость смыкалась со сводом несравненной синевы, косые лучи озаряли сухое безоблачное небо над миром золотисто-серого песка. На фоне неба акульими зубами торчали три большие и две малые пирамиды. Незыблемые, неизменные, стоят они так с той далекой поры, когда человек был неотъемлемым от природы и созидал природу.

А в пологой ложбине, на песке около пирамид, желтело нечто, вырванное из тока времени, созданное вчера, созданное пять тысяч лет назад: корабль в песках, этакий Ноев ковчег, севший на мель в сахарской пустыне, далеко от водорослей и волн. Рядом стояли два верблюда. Они что-то жевали. Что? Может быть, обрезки нашей ладьи, «бумажной» ладьи. Ведь ее сделали из папируса. Золотистые стебли связали в снопы, из этих снопов собрали лодку - вот она, с высоким носом и кормой, словно лунный серп на фоне неба.

Абдулла уже спускался в лощину. Два чернущих будума в просторных белых тогах карабкались на ладью, ярко одетые египтяне волокли снопы папируса. Работать так работать!

- Бут! Бут! - кричал Абдулла. - Еще папируса!

Я вышел на горячий песок, пошатываясь, как будто очнулся после тысячелетнего сна. Все эти люди работали для меня, это мне взбрело в голову возродить искусство строительства лодок, которые фараон Хеопс и его потомки уже начали забывать, когда возводили могучие пирамиды - те самые, что теперь, будто горная гряда, отделяли возникшую из тьмы веков строительную площадку от бурлящих водоворотов двадцатого века на улицах Каира, раскинувшегося в зеленой нильской долине.

Нас окружал сплошной песок. Жаркий песок, пирамиды, снова песок и стога просушенной солнцем травы – хрупкого, горючего папируса; рабочие тащили его к смоляно-черным африканцам, и те, сидя на желтом полумесяце, затягивали веревочные петли руками, зубами и ногами. Они строили лодку, папирусную лодку.

«Кадай» называли ее на своем языке – языке племени будума эти ребята. Ловкие пальцы и крепкие зубы вязали узлы так, что сразу видно мастеров своего дела.

Бумажным корабликом называли нашу лодку сотрудники Института папируса в Каире, которые размачивают эти растения в воде и превращают колотушками в хрупкую бумагу, чтобы туристы и научные работники могли своими глазами увидеть, на чем писали иероглифами свои труды первые в истории человечества ученые.

Стебель папируса – сочный и мягкий, ребенок может его согнуть и сломать. Высушенный, он обламывается, как спичка, и горит, как бумага.

На песке у моих ног лежал безжалостно скрученный, весь изломанный сухой стебель. Его швырнул здесь старый араб, сперва возмущенно смял, потом бросил, плюнул и презрительно показал на него пальцем. Дескать, что это за материал, он не держит гвоздя, как к нему мачты крепить! Искушенный лодочный мастер, этот араб приехал на автобусе из Порт-Саида, чтобы принять заказ на мачту и такелаж для нашей лодки. И до того осерчал, что следующим же автобусом укатил обратно к морю. Что за насмешки над честным тружеником! Или нынешние совсем уже не знают, что нужно для настоящей лодки? Напрасно ему объясняли, что именно такие лодки в большом количестве изображены в склепах древних строителей пирамид, похороненных в здешней пустыне.

– Ну и что?! Там и не такое намалевано, есть и люди с птичьей головой, и крылатые змеи! А папирус, сами убедитесь – это же трава, мягкие стебли, ни гвоздь вколотить, ни шуруп завинтить. Стог сена. Бумажная ладья. Попрошу оплатить обратный проезд.

И уехал. Но ведь лодке нужна мачта... Наши чернокожие друзья с озера Чад в сердце Африки клялись, что этот мастер – олух, он, наверно, никогда не видел настоящей кадай, их вяжут из этого самого папируса. Правда, мачт на кадай не

ставят, да и к чему нам мачта, когда все люди веслами гребут. Озеро Чад огромное, неужели океан больше! И друзья невозмутимо продолжали связывать вместе снопы папируса. Тут они могли хоть кого поучить. А этот араб из Порт-Саида – просто невежда, он же в глаза не видел кадай.

Я вернулся в палатку и достал из портфеля зарисовки и фотографии древних египетских фресок и моделей. Вот папирусные лодки – ни гвоздей, ни костылей. Под мачту поверх папируса уложена и укреплена веревками широкая, прочная деревянная пята, нижняя часть мачты вставлена в нее и крепко с ней связана... Я отложил зарисовки и лег на сваленные около палатки веревки. Здесь не так жарко, можно поразмыслить... Итак, что я, собственно, затеял и какие у меня основания считать, что на такой лодке можно было выйти из дельты Нила в море? По чести говоря, моя догадка опирается скорее на интуицию, чем на конкретные факты.

Когда я задумал построить из бальсовых бревен плот «Кон-Тики», у меня были совсем другие отправные точки.

Я в жизни не видел бальсы и никогда не ходил на парусной лодке, не говоря уже о плоте, но у меня была гипотеза, были веские данные и логический вывод. Теперь нет ни того, ни другого, ни третьего. В тот раз я был вооружен объемистой рукописью, полной надежных, на мой взгляд, свидетельств того, что представители древнейшей культуры Перу задолго до какого-либо другого народа достигли островов Полинезии. Было известно, что у древних перуанцев к понятию «морское судно» ближе всего подходил бальсовый плот. Отсюда я делал вывод, что этот плот был вполне мореходным и мог благополучно перенести людей и культурные растения через океан из Перу в Полинезию. Вот и все аргументы, однако вывод подтвердился.

Теперь дело обстоит иначе. Я вовсе не предполагаю, что египтяне принесли свою культуру на далекие острова или континенты. Многие считают, что задолго до Колумба древние египтяне достигали тропической Америки. Я такой гипотезы не выдвигаю, у меня нет свидетельств ни за, ни против. К тому же и в Месопотамии тоже строили пирамиды. Я увлечен проблемой, но не вижу убедительного ответа. В этой мозаике науке недостает еще слишком многих кусочков. Огромный пробел в хронологии, необъяснимые противоречия, да и путь через океан неизмеримо больше пути через Нил...

Для передвижения по воде у древних египтян первоначально были только лодки из папируса. Потом у них появились длинные парусные суда; выходить на этих судах в море в большую волну было опасно, зато они идеально подходили для всяких перевозок и путешествий по тихому Нилу. В нескольких стах метрах от моей палатки, у самой пирамиды Хеопса, мой египетский друг Ахмед Юсеф, улыбочивый бородач, как раз занимался сборкой одного из великолепных деревянных кораблей фараона.

Совсем недавно археологи установили, что вокруг пирамиды с каждой стороны были закопаны корабли, итого четыре. Они сохранялись в герметичных камерах глубоко под землей, прикрытые сверху большими каменными плитами. Пока что вскрыта только одна камера, в ней обнаружены сотни толстых кедровых досок, и древесина такая же крепкая, какой была при захоронении свыше 4600 лет назад, за 2700 лет до нашей эры. Главный хранитель египетских древностей самолично продевал в тысячи дырочек новые веревки взамен сгнивших. Заново сшитый корабль получился больше сорока трех метров в длину, с удивительно изящными обводами, вполне способный размерами и красотой поспорить с ладьями викингов, которые начали бороздить Северное море, Атлантический океан и Средиземное море несколькими тысячелетиями позже. Только в одном эти два типа судов существенно отличались друг от друга: ладьи викингов были рассчитаны на нелегкий поединок с океанской волной, а корабль Хеопса предназначался для парадных выездов на тихом Ниле.

След, оставленный на дереве веревками, говорит о том, что древний корабль немало послужил, это не была так называемая «солнечная ладья», построенная для последнего плавания фараона. Но корпус сделан так, что он был бы разрушен при первой же встрече с высокими морскими волнами. Это очень странно. Ведь строгие, совершенные обводы корабля Хеопса не вяжутся с представлением о речном судне; мастерски набранный корпус с высоким носом и кормой, казалось бы, во всем обличает морской корабль, нарочно сделанный так, чтобы переваливать через прибой и крутую волну. Конечно, это не случайно, тут есть над чем призадуматься. Фараон, живший на тихом берегу Нила почти 5 тысяч лет назад, построил ладью, которая выдерживала только легкую речную рябь, хотя обводам ее могли бы позавидовать лучшие мореходные нации мира. Хрупкое речное судно сделано по образцу, созданному народом с давним, большим опытом морских плаваний.

В чем же дело? Одно из двух. Либо плавные обводы морского корабля были творением египетских мореплавателей той самой поры, когда другие

гениальные египтяне уже создали письменность, астрономию, строили пирамиды, делали операции на черепе, изготавливали мумии. Либо кораблестроители фараона учились в других странах. Похоже, что последнее вернее. В Египте нет кедра, материал для корабля Хеопса был привезен из лесов Ливана. А в Ливане жили финикийцы, опытные кораблестроители, избородившие все Средиземное море на своих судах. Их главный порт Библ, один из древнейших городов мира, ввозил из Египта папирус, ведь здесь был центр изготовления книг, отсюда само название Библ или Бибел, то есть книга. Во времена, когда строилась пирамида Хеопса, между Египтом и Библом велась оживленная торговля, так, может быть, у финикийцев корабельщики фараона позаимствовали конструкцию своих судов? Может быть.

Все дело в том, что нам очень мало известно о внешнем облике финикийских кораблей. Во всяком случае, они вряд ли были папироформными, то есть сделанными по образцу папирусной ладьи. Ведь папирус не рос в Ливане, а ладья фараона Хеопса была папироформной. Все крупные деревянные суда времен фараонов были папироформными, их очертания напоминали папирусную ладью.

Тут мы подошли к самому главному. Образцом для корабля Хеопса послужила папирусная лодка. Именно ей были присущи характерные черты морского судна. Нос и корму делали высокими, изогнутыми вверх, выше, чем на ладьях викингов, чтобы судно переваливало через морскую волну и прибой, а не для того, чтобы оно приминало мелкую рябь на реке. Папирусная лодка передала свою форму деревянному кораблю, а не наоборот. И конструкция папирусной лодки уже полностью сложилась к тому времени, когда по велению первых фараонов на стенах гробниц изображали их мифических божественных предков. Причем когда легендарные зачинатели фараонова рода – бог солнца и птице-человеки – изображены на кораблях, то это не финикийские деревянные корабли, не плоты и не речные плоскодонки, а серповидные папирусные ладьи, форму которых в точности повторили строители корабля Хеопса, вплоть до изгибающегося внутрь высокого ахтерштевня, увенчанного символом цветка папируса.

Чтобы построить ладью так, как строили египтяне, когда средиземноморская культура на берегах Нила делала свои первые шаги, нужен не топор и знание плотницкого ремесла, а нож для резки папируса и веревка. Ножом и веревками были оснащены африканцы Мусса, Умар и Абдулла, которые в эту минуту вязали у подножия пирамид Хеопса, Хафра и Мен-Кау-Ра папирусную лодку такого же вида, как древние ладьи, изображенные на стенах гробниц в пустыне по

соседству с нашей строительной площадкой.

Зачем? Что я хотел доказать? Да ничего, ровным счетом ничего. Я хотел только выяснить – выяснить, можно ли на такой лодке выходить в море. Правы ли специалисты, считающие, что финикийцы сами ходили за папирусом в Египет, потому что египтяне с их папирусными лодками не могли плавать за пределами дельты Нила. Или, может быть, древнейшие египтяне были опытными судостроителями и мореплавателями, прежде чем осели на месте и стали ваятелями, фараонами, мумиями. Я хотел выяснить, способна ли папирусная лодка пройти по морю 400 километров – путь от Египта до Ливана. Выяснить, не может ли лодка из папируса пройти еще дальше, от одного материка до другого. Выяснить, не может ли она дойти до Америки...

Зачем? Да затем, что никто не знает, кто же первым достиг Америки. В учебниках написано, что это был Колумб. Но Колумб не открыл Америку. Он был повторным открывателем. Чрезвычайно смелый и проникательный человек, он вышел на кораблях в неведомое, твердо убежденный, что Земля круглая и он не свалится с ее края. Имя Колумба знаменует перелом в истории, он изменил образ жизни целой части света, дал толчок рождению могущественных государств, и со временем там, где раньше были только леса и кустарники, выросли небоскребы. Но не Колумб открыл Америку. Он проложил туда дорогу для других, однако это было уже в 1492 году нашей эры.

Когда же Америка была открыта? Это никому не известно. Первый человек, ступивший на американскую землю, не был знаком с понятием летоисчисления. У него не было календаря. Не было письма. При своих ограниченных географических представлениях он и не подозревал, что достиг нового материка, где еще не бывало людей.

Первый представитель Homo sapiens, пришедший в Америку, был кочующий охотник и рыболов. Подобно своим отцам и дедам, он бродил вдоль суровых берегов арктической Сибири и в один прекрасный день очутился на восточном берегу полностью или частично скованного льдом Берингова пролива, не подозревая, что до него в здешней тундре топтали сугробы только дикие звери. Мы не знаем сегодня, пересек ли он Берингов пролив пешком по льду или на утлой лодчонке. Знаем только, что первый человек, умерший на американской земле, родился в арктической Азии. И еще нам известно, что открыватель Америки не знал ни металла, ни ткачества, что он прикрывал свое тело звериными шкурами или обработанной колотушками корой, что его оружие и

орудия труда были сделаны из кости и камня, ведь это был человек каменного века.

Мы не можем точно сказать, когда потомки первооткрывателей Америки начали распространяться через Аляску на юг в Северную, Среднюю и Южную Америку. Одни полагают, что заселение Нового Света началось около 15 тысяч лет до нашей эры, другие утверждают и доказывают, что эту цифру можно по меньшей мере удвоить. Но все сходятся на том, что воротами в Америку были ледяные просторы Арктики, и первыми в них вошли бродячие орды, коим суждено было стать предками многочисленных и чрезвычайно разнообразных этнических групп, которых мы привыкли именовать «американскими индейцами».

Узкий пролив между арктической Азией и Аляской продолжал оставаться доступным для кочующих племен, и многие находки говорят за то, что первобытные общины и потом переходили из Сибири в Америку и обратно. А цепочка Алеутских островов и Куро-Сиво к югу от нее служили мостом для тех, у кого были лодки. От Аляски на севере до Огненной Земли на юге новые поколения поселялись в иглу и вигвамах, в хижинах и пещерах, ведь в Новом Свете есть все разновидности климата и географической среды. Эндогамные браки при изоляции, новые переселения и смешанные браки – все это, вместе взятое, способствовало возникновению множества различных индейских племен Америки, резко отличающихся между собой, и не только лицом и телосложением: они подчас говорили на языках, которые даже не назовешь родственными, и вели совершенно разный образ жизни.

И вот тут-то наконец появился Колумб. 12 октября 1492 года он сошел на берег Сан-Сальвадора со своим знаменем и крестом, а за ним явились Кортес, Писарро и прочие испанские конкистадоры. Никто никогда не отнимет у Колумба его заслуги, это он распахнул ворота Америки для всех нас, кому не пришлось идти в нее по льду. Но мы, европейцы, как-то уж очень легко забываем, что на берегу его встречали тысячи людей. Что на континенте за островами, на которых он высадился, гостей ждали высокоразвитые государства. Тамошние ученые поведали испанцам, что сюда и раньше приходили из-за океана белые бородатые люди, что эти пришельцы посвятили их во все секреты цивилизации, что испанцев давно ожидают, ведь представители заморской культуры обещали их предкам вернуться.

И правда, в этой части Америки жили отнюдь не те первобытные охотники и рыболовы, которые первоначально пришли в Новый Свет из сибирской тундры.

Напротив, в тропической полосе с ее далеко не бодрящим климатом, куда доставили испанцев пассатные ветры и могучее океанское течение, их встретили высокообразованные люди. Они сами делали книги из бумаги, изучали астрономию, историю, врачебное искусство. Они читали и писали, пользуясь собственным письмом. У них были настоящие школы и научные обсерватории. В астрономии и географии они достигли замечательных успехов: точно рассчитали движение небесных тел, вычислили положение экватора, эклиптики, северного и южного тропиков, различали звезды и планеты. Сложный календарь этих людей был точнее того, который знали в Европе во времена Колумба; их летоисчисление – год 0 мая – начиналось, в пересчете на наш календарь, 3113 годом до нашей эры. Где позволял климат, врачи весьма умело бальзамировали знатных покойников, и подобно древним египтянам они делали трепанацию черепа – искусство, которым врачи Европы еще не владели и сто, и двести лет спустя после того, как Колумб пересек океан.

Просвещенные и непросвещенные граждане жили в выстроенных по плану городах с ровными улицами, водостоком, канализацией, рыночными площадями, спортивными площадками, школами и дворцами. Тут нельзя было увидеть палаток и шалашей, горожане изготавливали кирпич из глины с соломой, такой же, как в странах Средиземноморья, и строили настоящие дома в два и больше этажей. В домах побогаче были залы с колоннами, а стены украшались барельефами и замечательными фресками; у художников были яркие и прочные краски. Широко применялись ткацкие станки; испанцы увидели гобелены и плащи, которые композицией узоров и тонкостью изготовления превосходили все, что они знали на своей родине. Искусные гончары лепили вазы и блюда, кувшины и кубки, людей, животных, разные бытовые сценки, и мастерство их ничуть не уступало лучшим произведениям классических культур Старого Света. А золотые и серебряные изделия здешних ювелиров технически и эстетически стояли так высоко, что испанские «открыватели», потеряв от радости голову и совесть вместе с ней, схватились за меч...

Над крышами домов из сырцового кирпича высились огромные ступенчатые пирамиды, храмы, могучие изваяния священных правителей; мощные дороги, хитроумные акведуки и мосты изменили лицо края. Нескончаемые земледельческие террасы с искусственным орошением давали обильный урожай корнеплодов, местных злаков, овощей, фруктов, лекарственных и других культурных растений. Даже хлопчатник был окультурен селекционерами и возделывался на больших площадях. Местные жители пряли шерсть и хлопок, красили пряжу и делали ткани, нередко превосходившие качеством лучшие ткани Европы.

Так кто же кого открыл? Те, кто стояли на суше и смотрели на приближающиеся суда, или те, кто, стоя на палубе, разглядывали людей на берегу? Священный правитель слышал от своих дедов, что он происходит от Солнца через белых бородатых людей, которые явились на паланкинах с зонтом и опахалом. Музыканты правителя играли на флейтах и трубах, били в барабаны, звенели серебряными колокольчиками. Его сопровождала личная охрана и многотысячная регулярная армия; разведчики обнаружили горсточку испанцев, которые сошли с кораблей на сушу и двинулись внутрь страны, к столице.

С могущественным царством ацтеков в Мексике произошло то же, что с огромной империей инков в Южной Америке. Горстка бородатых, белокожих испанцев захватила обширные государства, что называется, без единого выстрела. И все потому, что ученые и жрецы в этих странах сохранили иероглифические записи и религиозные предания: будто бы белые бородатые люди принесли их предкам блага культуры, а потом ушли дальше, в чужие края, но обещали вернуться назад. Сами индейцы были безбородые, как и все люди с желтовато-коричневой кожей, проникшие на материк с севера. А испанцы, которых они «открыли» у себя на берегу, были белокожие и бородатые, как и все культурные герои местных преданий, и могущественнейшие самодержцы того времени от души приветствовали их «возвращение» в Мексику и Перу.

Но недолго длилось знакомство остального мира с великими цивилизациями Нового Света, от империй ацтеков и майя на севере до царства инков на юге, которые протянулись, словно бусины на нитке, не выходя за тропики в те части Америки, где в наше время особенно наглядно проявились инициатива и трудолюбие человека. Занавес, поднятый Христофором Колумбом, был очень быстро опущен теми, кто последовал за ним. Всего несколько десятилетий – и полнокровные государства с замечательной культурой рухнули. Частью уничтоженные, частью воспринявшие другие элементы, они обрели новые формы, причем мы, европейцы, охотно приписываем себе заслугу создания всего позитивного, что принято связывать с культурой, а какие-то экзотические минусы относим к наследию доколумбовой поры. И все потому, что алчные до золота конкистадоры, преступно прячась за крест, сумели задернуть занавес раньше, чем кто-либо успел как следует уразуметь, что они нашли на другом конце земного шара.

Так что же происходило в Мексике и Перу до того, как Колумб явился в Америку? Можно ли считать первобытного человека из арктической тундры единоличным зачинателем всего того, что обнаружили испанцы? Или имелись другие пути в

Древнюю Америку? Может быть, и в Америке, как всюду на земном шаре, еще до Колумба происходило смешение племен? Может быть, потомки переселенцев из Арктической Азии встречали мореплавателей на берегу Мексиканского залива в те далекие времена, когда цивилизация из Африки и Малой Азии распространилась на берега варварской Европы?

Вот в чем вопрос. А ответ? Нет. Конечно нет. Пожалуй, нет. Пожалуй... Жесткая веревка терла мне спину, и я сел. Пожалуй. Проклятый вопрос. Я лег удобнее. И не видно решения, сколько ни ломай голову. Мысли вращались в замкнутом кругу. Если древние цивилизации Америки всецело сложились в Мексике или Перу, естественно ждать, что археологи обнаружат следы их постепенного развития. Но в каком бы из исторических центров Мексики или Перу ни производили раскопки, они показывают, что цивилизация явилась в сложившемся виде, а уже дальше развивался тот или иной местный вариант. Завязки обнаружить пока не удастся. Казалось бы, все ясно: импорт. Заморское влияние. Но ведь великие культуры расцвели в Новом Свете за несколько веков до нашей эры, если верны нынешние теории, а к этому времени прошло около двух тысяч лет, как перестала существовать соответствующая культура в Египте.

Так зачем же строить папирусную лодку? Мысли полетели дальше. Через Америку в Тихий океан. Там я чувствовал себя более уверенно. Сколько лет отдано исследованиям и полевым работам в этой области. В Египет я впервые прибыл простым туристом четыре года назад и увидел в Долине царей настенные изображения папирусных лодок. Лодки показались мне знакомыми. Примерно такие же рисовали на своих кувшинах строители пирамид Северного Перу во времена расцвета их культуры, задолго до заселения Полинезии. У самых больших перуанских камышовых лодок на этих изображениях двойная палуба. На нижней палубе – множество кувшинов с водой и прочий груз, а также маленькие фигурки людей; на верхней палубе обычно стоит земной наместник бога Солнца, священный правитель. Его огромную фигуру окружают люди с птичьей головой, которые нередко тянут за веревки, ускоряя движение ладьи. На папирусных лодках, изображенных на стенах египетских гробниц, тоже показан сверхъестественного роста земной наместник бога Солнца, священный правитель – фараон, его тоже окружают маленькие фигурки, и мифические птице-человеки тянут за веревки.

Похоже, что есть какая-то необъяснимая связь между камышовыми лодками и людьми с птичьей головой. Ведь и в Тихом океане, на макушке самого высокого

вулкана острова Пасхи, в древнем ритуальном селении с солнечной обсерваторией главный мотив рельефов и фресок – неразлучное трио: маска бога Солнца, камышовые лодки под парусами и птице-человеки. Остров Пасхи, Перу, Египет. Можно ли представить себе более обособленные друг от друга районы? И можно ли сыскать лучшее доказательство того, что люди в совершенно разных местах независимо друг от друга изобретают одно и то же? Вот только странно, что исконные жители Пасхи называли солнце «ра». И это не случайность, ведь на других островах Полинезии солнце тоже называлось «ра». «Ра» – и в Египте так именовалось солнце. Трудно найти в религии древних египтян более важное слово: «Ра» – солнце, солнечный бог, прародитель фараонов. Это он плывал на папирусной лодке, окруженный птице-человеками. И на острове Пасхи, и в Перу, и в Древнем Египте воздвигали в честь земных заместителей бога Солнца монолитные изваяния ростом с дом. А также высекали каменные плиты величиной с железнодорожный вагон и сооружали ступенчатые пирамиды, согласуя их положение с движением солнца по небу. Тоже в честь Ра, которого во всех этих трех местах почитали как прародителя. Что это – случайность, или тут кроется какая-то взаимосвязь?

Сто лет назад, когда паруса гордо реяли над морями, считалось, что никакие дали не останавливали древних в их странствиях: ведь сумели же Магеллан, капитан Кук и многие другие, пользуясь только силой ветра, обогнуть земной шар. Но мы изобрели винт и реактивный двигатель, для каждого нового поколения наша планета становилась все меньше и меньше, и возникло представление, что прежде, чем дальше от наших дней, тем больше мир должен был казаться людям, а до Колумба и вовсе мыслился необъятным и непроходимым.

На всякого, кто учился в школе, производит магическое действие дата – 1492 год. Год, когда Колумб достиг Америки. И когда земля стала круглой. Раньше ее мыслили плоской, и океан был плоским, поэтому все, влекомое ветрами и течениями, неизбежно должно было свалиться с края в бездну. Вернее говоря, земля и до Колумба была круглой, но не совсем, а вроде половинки яйца. Так или иначе, если уплыть достаточно далеко в океан, все равно упадешь с края земли.

До 1492 года ни одна камышинка не могла проплыть над бездной в неведомую даль. После того как Колумб сделал нашу планету шаром, с нее уже ничто не сваливалось. Теперь все уплывающее в Атлантику прибывало к возникшим из морской пучины новым берегам. К тем же островам, куда прибило Колумба, или к тропическому побережью сразу за ними. Колумб стал своего рода Святым

Петром, открывшим ворота в Новый Свет. За ним последовали тысячи каравелл и других парусных суденышек. А в XX веке любители приключений гуртом пересекают Атлантический океан на шлюпках, надувных лодках, амфибиях и байдарках.

Патент покорителя Атлантики выдан Колумбу. До него в Америку можно было попасть лишь пешком – в мокалинах или без них – вдоль заснеженной кромки льда из пустынных дебрей Сибири через морозную Арктику. Здесь, на севере, нельзя было сажать хлопок и строить кирпичные дома, на этот счет никаких разногласий нет. Но как те же люди, достигнув сонных тропиков, надумали разводить хлопчатник, дающий волокно для пряжи и тканей? И как они в жарком климате надумали мешать глину с соломой и лепить кирпичи, чтобы строить настоящие дома? Здесь кончается согласие. Здесь начинается спор между теми, кто искал ответа на эти вопросы.

Одним из последних, кто запросто отправлял древних в кругосветные плавания, был англичанин Перси Смит. В культурах Мексики и Перу он находил столько общих с культурой Древнего Египта специфических черт, что предполагал контакты через океан. А обнаружив те же удивительные совпадения на Пасхе и ближайших к Перу островах, он взял линейку и атлас мира и соединил прямой линией Египет через Красное море, Индийский и Тихий океаны с Полинезией и Южной Америкой. Вот как солнцепоклонники пришли в Америку, написал он. Через остров Пасхи.

Другие ставили перед собой глобус и качали головой. На круглом глобусе видно, что Тихий океан охватывает почти половину окружности земли, занимая чуть не целое полушарие. Проплыв на восток 4 тысячи километров, египетские мореплаватели подошли бы к Индии. И от острова Пасхи их бы еще отделяла ровно половина земной окружности. А южноамериканские мореплаватели, отчалив от берегов империи инков и пройдя на запад 4 тысячи километров, уже достигли бы острова Пасхи. На плоту «Кон-Тики», построенном по инкскому образцу, мы прошли от Перу на запад 8 тысяч километров и на полпути пересекли долготу Пасхи.

Остров Пасхи... Самый уединенный обитаемый остров в мире. Ближайшая страна – Перу, а не Египет. Остров Пасхи... Осаждаемый волнами ком застывшей лавы, где около тысячи заброшенных изваяний молча созерцали небо, когда люди нашей расы наконец проникли в эту область и «открыли» остров в 1722 году. Островом Пасхи назвали мы его потому, что впервые увидели его в день Пасхи.

«Пуп Вселенной» назвали его полинезийцы, когда пришли сюда на долбленках и обнаружили, что остров уже заселен еще более древними мореплавателями. Теми самими, которые высекли на груди своих каменных истуканов большие камышовые лодки с мачтами и парусами. Теми самими, чьи серповидные лодки из камыша изображены в древнейшем культовом селении острова Пасхи, где скалы расписаны солнечными символами и фигурками птице-человеков, где наблюдали «ра» и поклонялись Солнцу, где жители собирались на ритуал птице-человека, когда смельчаки выходили в море на маленьких камышовых лодках. Пока европейцы в 1868 году не ввели свое христианство, положив конец тысячелетнему обычаю.

Камышовые лодки острова Пасхи. Мысли перестали метаться. Все стало на свои места. На этом острове родился мой интерес к камышовым лодкам. Может быть, именно здесь кончилась их история. Но для меня здесь все началось.

Впервые я увидел камышовые лодки задолго до того, как попал на Пасхи. Я ходил на них, когда изучал других каменных исполинов, покинутых своими создателями на горном плато вокруг озера Титикака в Андах. Меня поразила их грузоподъемность, ведь на таких лодках некогда перевозили многотонные глыбы в древний город Тиауанако. Но тогда я воспринял эту своеобразную конструкцию скорее как курьез. Как и все, кто читал про империю инков, я знал, что камышовые лодки озера Титикака – всего лишь рудимент доколумбовых лодок, которыми пользовались на всем побережье Перу, когда испанцы пришли на Тихий океан. Они применялись тогда и дальше на север, вплоть до Мексики и Калифорнии. Самые маленькие лодки, напоминавшие слоновый бивень, выдерживали только одного человека, он плыл на них, лежа по пояс в воде. На самых больших, о которых пишут испанцы, была команда до двенадцати человек, а если несколько лодок связывали вместе, на них можно было перевозить по морю лошадей и рогатый скот. Я знал также, что камышовая лодка в Перу так же стара, как бальсовый плот, больше того, она была известна уже во времена древнейшей доинкской культуры: камышовые лодки в море – обычный мотив в искусстве строителей первых пирамид на севере Перу, мастеров народа мочика.

Когда я задумал строить «Кон-Тики», мне надо было выбирать. В древней империи инков знали морские суда трех родов. Бальсовые плоты из бревен, обычно срубленных в Эквадоре, камышовые лодки из снопов камыша тотора, растущего дико по берегам горных озер и выращиваемого на орошаемых землях засушливого побережья, наконец, понтоны – два связанных плугом бурдюка из

тюленьих шкур.

Бурдюки через несколько дней теряли плавучесть, индейцам приходилось снова их надувать, плавая рядом в воде. Меня такой способ ничуть не прельщал. Камышовая лодка тоже не внушала мне особого доверия. Камыш, солома – это нечто хрупкое, слабое; одно дело, когда в безвыходном положении хватаешься за фигуральную соломину, но взаправду выходить на соломе в море – слуга покорный. Так я рассуждал тогда. И все были со мной согласны. Если уж плыть, то на бальсовом плоту, крепкой платформе из легких бревен. Так и вышло. Бальсовый плот прошел испытание и обнаружил поразительные мореходные качества. А камышовая лодка была отвергнута и забыта. На время.

Глава 2

Почему камышовая лодка? – Остров Пасхи и Перу

Это было на острове Пасхи в 1955 году. Восточный берег. Под рокот прибоя четыре брата, четыре старика с кожей, похожей на сморщенный табачный лист, мелкими шажками вбежали в бурлящую воду, неся маленькое суденышко, формой, близкое к банану. Солнце рассыпало блики на синих волнах, позолотило лодчонку. Престарелые крепыши вытолкнули лодку за вспененную полосу, вскочили на нее и, часто-часто работая веслами, рассекали обрушившийся гребень. Не успела вырасти новая волна, как они перевалили через нее, словно на качелях, и через следующую тоже, и вот уже вышли за прибой. В лодке было так же сухо, как до встречи с валами. Вся вода в ту же минуту ушла через тысячу щелей в днище. Ни высоких бортов, ни полого корпуса. Толстые связки, на которых сидели гребцы, образовали плоскую палубу, только впереди и сзади лодка-плот, сужаясь, загибалась вверх, чтобы лучше справляться с волной. Золотистым лебедем она переваливала через гребни.

Сто лет на острове Пасхи не спускали на воду таких лодок. Старики связали ее, чтобы показать нам, на чем их деды выходили в море ловить рыбу. Миниатюрная модель известных по изображениям огромных судов поры расцвета культуры острова Пасхи. И весьма внушительная, если сравнить с похожими на бивень одноместными порами, на которых состязались кандидаты на звание птице-человека.

Островитяне благоговейно смотрели, как четыре старых рыбака идут в океан на лодке, так хорошо всем знакомой по сказаниям предков, лодке, означающей для здешних людей примерно то же, что для американцев «Мэйфлауэр» или для нас, северян, ладья викингов.

Утлое суденышко извивалось, будто надувной матрас, вверх-вниз, вправо-влево, применяясь к волнам и не давая им намочить команду. И когда смуглая четверка на золотистой лодке обогнула мыс, на котором мы в эти дни поднимали первого из поверженных каменных исполинов острова Пасхи, можно было слышать, как люди постарше с горящими глазами говорят о том, что вот, мол, оживает далекое прошлое острова.

А для меня ожили суда далекой страны за горизонтом на востоке... Лодки острова Пасхи поразительно напоминали лодки озера Титикака, но еще больше – серповидные суда из камыша, реалистически воспроизведенные в керамике древней культуры мочика на Тихоокеанском побережье Южной Америки. Волны, которые разбивались о берег у наших ног, шли с той стороны. И ведь я сам пересекаю здесь океан с востока на запад, влекомый постоянным круговоротом воды. Как тут не призадуматься...

В мертвом кратере вулкана Рано Раваку шесть человек погрузили в кромку озерной трясины восьмиметровый стальной бур. Множество незавершенных статуй на склонах вокруг кратерного озера свидетельствовало о том, что ваятели неожиданно прервали работу. Некоторые истуканы были почти готовы, только спина прочно соединялась с коренной породой. Они лежали с закрытыми глазами, сложив руки на животе, будто их заколдовала недобрая фея из сказки про принцессу Шиповничек. Другие каменные богатыри были отделены от породы и воздвигнуты стоймя, чтобы ваятели могли обтесать спину, сделать ее такой же изящной и гладкой, как остальные части статуи. Так и стоят они по карнизам, некоторые по подбородок в осколочном материале из каменоломен. Чуть наклонясь, сжав тонкие губы, они словно критически поглядывали, что там творят на берегу озера шесть гномов из живой плоти.

Длинное стальное копьё дюйм за дюймом уходило в вязкую кашицу. Десятки тысяч лет на дне потухшего вулкана скапливались дождевая вода и ил, и возникло голубое зеркальное озеро, в котором отражается небо. И кажется, что белые пассатные облака вечной чередой скользят через кратер с востока на запад, исчезая в зеленых зарослях камыша. Три кратерных озера в камышовом

венке – единственные источники пресной воды на острове Пасхи. Пасхальцы добывают в них питьевую воду с тех самых пор, как свели огнем первичный лес и превратили весь край в голую степь, после чего ручьи один за другим ушли в пористую вулканическую породу и пропали.

Об этом поведала каша, извлеченная нами из озерной трясины. Бур заканчивался вращающимся ножом и маленькой полостью, которая захватывала ил, глину или песок, смотря по тому, из чего состоял очередной пласт. Чем глубже погружался бур, тем дальше мы проникали в прошлое.

Кромка трясины была словно книга, лежащая последней страницей вверх, а первой – вниз. Потом начинались затвердевшая лава и вулканический шлак – свидетели той поры, когда остров поднялся со дна океана, извергая пламя. На эту безжизненную подстилку ложились глина и ил, когда вулкан потух и края кратера начали разрушаться. Постепенно в донных осадках собиралось все больше цветочной пыльцы. Она герметически сохранялась, и теперь специалист-палинолог, изучая структуру отложений, может рассказать, в какой последовательности на новорожденный остров с помощью течений, ветров, птиц и людей попадали папоротники, кустарники и деревья. Ведь у каждого растения своя пыльца; под микроскопом ее крупинки напоминают причудливейшие плоды и ягоды.

Детективы укрываются под разными прозвищами. Некоторые, чтобы им не докучали любопытные, называют себя палеоботаниками. Они сидят и анализируют крупинки пыльцы так же тщательно, как другие детективы – отпечатки пальцев. Добытые нами комочки грязи мы раскладывали по пронумерованным пробиркам, чтобы потом передать их в отдел ботанического сыска в Стокгольме. Так нам удалось кое-что разузнать о забытом прошлом острова Пасхи, о том, откуда мог прийти загадочный народ, который на заре истории не приметно для всех воздвиг здесь свои исполинские монументы.

Пыльца рассказала, что этот голый и бесплодный в представлении европейцев остров, богатый лишь истуканами и каменоломнями, от природы был наделен пышной растительностью – кустами, пальмами и другими деревьями. Но затем сюда задолго до европейцев прибыли мастера каменотесного дела. Они подожгли лес. Зола и копоть сыпались на кратерное озеро, оставив след в донных отложениях. Выше этого слоя пыльца лесных деревьев резко идет на убыль. Пришельцы сводили лес, расчищая место для американского батата, составлявшего их главную пищу. Им нужно было также место для их каменных

домов и для широких культовых площадок, где сооружали ступенчатые платформы из огромных обтесанных плит, напоминающие культовые сооружения древнего Перу и Египта. Они уничтожали пальмы на склонах вулканов, снимали дерн и землю, добираясь до корневой породы, чтобы вытесывать из нее гладкие плиты и монолитные статуи покойных правителей-жрецов. Срубленные деревья их не интересовали, потому что первые обитатели острова Пасхи привыкли строить из камня, камень был для них привычным материалом, тяжеленные плиты весом в шесть, восемь, десять слонов и высотой с дом тащили через весь остров, ставили на торец, укладывали друг на друга и подгоняли, сооружая замечательные мегалитические стены, подобные которым можно увидеть только в Перу, Мексике да в странах древних солнцепоклонников Внутреннего Средиземноморья, на другом конце земного шара.

И не только об этом рассказали детективы, изучив доставленные нами комочки грязи. Усердные покорители целины, хотя истребили изначальную растительность острова, привезли взамен батат, который был неизвестен в нашей части света, пока Колумб не обнаружил его в Америке. Об этом мы знали и раньше. Островитяне называют батат «кумара», как и коренные жители значительной части древней инкской империи. Но лепешечки ила сохранили следы другого растения, еще более важного для морского народа.

Камыш. Камыш тотора.

Выше слоев с золой от лесных пожаров идут другие слои, желтые от спрессованной пыльцы камыша тотора, перемешанной с прочными волокнами стеблей. Большие участки кратерного озера покрыты сплошным плавучим ковром из сгнившего камыша. Кроме тоторы только одно водное растение оставило свою пыльцу в донных отложениях, начиная с пласта, в котором пепел знаменует прибытие людей на остров. Глубже пыльца пресноводных растений не встречена. До прихода человека в кратерных озерах Пасхи ничего не росло, поверхность их была совершенно чистой.

Чем не материал для детектива! Нетрудно догадаться, что оба пресноводных растения попали сюда из-за океана вместе с человеком. Ведь речь идет о важных культурах, одна из которых применялась в медицине, другая использовалась как строительный материал, и ни та ни другая не могла быть принесена морскими течениями, ветрами или птицами, потому что обе размножаются только корневыми отростками. Чтобы они могли появиться в трех кратерных озерах на уединенном острове Пасхи, их должны были посадить там

люди, которые привезли корневища из своего родного края. Теперь оставалось лишь пройти по следу. Оба вида встречаются только на американском материке, их нет больше нигде на свете. Камыш тотора – *Scirpus tatora* – был одной из главных культур в хозяйстве древних обитателей засушливого приморья инкской империи; они разводили его на орошаемых участках и применяли для лодок, кровли, циновок, корзин и веревок. Второе растение, горец – *Polygonum acuminatum* – использовалось индейцами Южной Америки как лекарство. И для островитян оба растения играли такую же роль.

Держа в руке кусок легкого, высушенного солнцем камыша тотора, я смотрел на четырех полинезийцев, которые перемахивали через волны в открытом море так же лихо, как скакали верхом на конях по суше. Присутствие этого американского пресноводного растения в трех кратерных озерах на самом уединенном острове мира давно считалось одной из великих загадок ботаники Тихого океана. А загадка, похоже, решается очень просто. Может быть, древние мореплаватели из Перу пересекли океан не только на бальсовых плотках; может быть, среди них были мастера вязать камышовые лодки, и они привезли корневища, чтобы обеспечить себя строительным материалом.

Когда мы помогли старикам вытащить на берег их серповидную лодку, я окончательно утвердился в мысли, что люди древнейшей культуры острова унаследовали свои характерные суда от древних строителей перуанских пирамид.

Пять лет спустя я встретился на конгрессе в Гавайском университете с ведущими специалистами по археологии Тихоокеанской области. Пять лет мои товарищи по экспедиции, эксперты в разных областях науки, обрабатывали материал, собранный в ходе наших раскопок на Пасхи. Скелеты и каменные орудия, образцы крови, пыльца и остатки костров – все было важно для детективов от науки, которые пытались выяснить, что происходило на самом уединенном острове в мире задолго до того, как Колумб приплыл в Америку и тем самым открыл европейцам путь в Тихий океан. Мои сотрудники доложили конгрессу итоги наших работ на острове Пасхи.

И вот я сижу за одним столом с другими учеными и вместе с ними подписываю документ, резолюцию конгресса. А в резолюции говорится, что наряду с Юго-Восточной Азией Южная Америка была родиной народов и культур, которые до европейцев пришли на острова Тихого океана. Никаких возражений с моей стороны. Ведь своим плаванием на плоту из Перу я как раз хотел показать, что

Полинезия могла быть заселена с двух сторон. Такая догадка родилась у меня задолго до «Кон-Тики», еще когда я приехал на Маркизские острова, чтобы пожить на полинезийский лад, и на восточном берегу Фату-Хивы слушал у костра рассказы старика Теи Тетуа под гул могучих волн, которые вместе с облаками день и ночь, день и ночь шли в одну сторону – от Америки к островам.

Три тысячи ученых заслушали резолюцию и единогласно одобрили ее. Я покидал X Международный тихоокеанский конгресс с поручением содействовать дальнейшим раскопкам на ближних к Южной Америке островах. В свою очередь, археологи-тихоокеанисты впервые включили в круг своих интересов приморье Южной Америки. Открылись ворота между Перу и Полинезией, кончился односторонний взгляд на Тихий океан.

Но камышовая лодка снова была забыта.

И вдруг ее извлекли из забвения самым неожиданным образом, в самой неожиданной связи. В январском номере научного журнала «Американская древность» за 1966 год один известный исследователь из Калифорнийского университета указал, что камышовые лодки древнего Перу похожи на папирусные лодки Древнего Египта. Причем лодки не единственная черта, позволяющая говорить о поразительном сходстве этих двух культур. В статье приводился список шестидесяти очень специфических черт, не имеющих широкого мирового распространения, но одинаково характерных для древнейших культур Восточного Средиземноморья (включая Месопотамию и Египет), с одной стороны, и доколумбовых культур Перу – с другой. Камышовая лодка была лишь одним из шестидесяти перечисленных элементов.

Обычно, когда в культуре далеких друг от друга обособленных районов обнаруживают одну или две однотипных черты, наука называет это случайностью, ведь люди во всех концах света настолько схожи, что вполне естественно, если какие-то их изобретения совпадут. Но когда налицо целый набор разнообразнейших совпадений, притом настолько специфических, что этот комплекс встречается только в двух определенных районах земного шара, опасно совсем исключать возможность контакта между этими двумя центрами культуры. Список шестидесяти специфических параллелей в журнале был как раз таким случаем, сигналом, призывающим к осторожности.

Статья в «Американской древности» поразила не только меня. И не только потому, что перечень элементов выглядел внушительно и давал пищу для

размышлений. Больше всего удивляло, что его составил изоляционист. Автор статьи прослыл одним из самых рьяных поборников гипотезы о полной изоляции Америки до Колумба, полагающих, что люди могли попасть в Новый Свет только по льду на севере. И он вдруг публикует перечень, которому позавидовал бы Перси Смит и вся его старая школа диффузионистов. Шестьдесят специфических культурных параллелей между древним Перу и Египтом.

Напрашивался вывод. И автор статьи делал его. Дескать, Египет лежит в Восточной Африке, а Перу – на западе Южной Америки, их разделяют два материка и Атлантический океан. Два народа, которые делали лодки из камыша, не могли общаться через океан, из чего следует, что шестьдесят культурных параллелей должны были возникнуть независимо, из чисто практических соображений они не могли явиться следствием морских плаваний человека. Мораль: уважаемые диффузионисты, верящие, что Америка получала импульсы извне до 1492 года, прекратите поиски параллелей, ибо сим доказано, что эти параллели ничего не доказывают.

Научные противники изоляционистов, то есть диффузионисты, возмутились. Их коробило от такой логики. Они были твердо убеждены, что Центральная Америка и Перу еще в древности восприняли импульсы через океан. Но через какой именно? И на каких лодках? Волны дискуссии продолжали бушевать. Вопрос оставался открытым.

В том же 1966 году устроители XXXVII Международного конгресса американистов решили свести для научного единоборства представителей обоих спорящих лагерей. Каждые два года съезжаются специалисты по древней истории Америки; очередной конгресс должен был собраться в Аргентине, и меня попросили организовать симпозиум по вопросу: были или не были контакты через океан с Америкой до Колумба?

Двери аудитории закрываются, симпозиум открывается. Составитель перечня шестидесяти параллелей приглашен, но не явился. Диффузионисты, считающие, что контакт был, представлены докладчиками с трех континентов. Изоляционисты тоже хорошо представлены, но только среди слушателей. У них такая тактика: сначала выслушать противника, потом сокрушать его аргументы. Они предпочитают оборону, мудро предоставляя собирать доказательства тем, кто считает, что люди достигли Америки морским путем до Колумба. У диффузионистов никогда не было недостатка в аргументах, но доказательства отсутствовали. Значит, заключали изоляционисты, океан не был преодолен.

Одним из яблок раздора были исландские королевские саги, сказания викингов, подробно записанные их историками задолго до рождения Колумба. Никто не отрицал, что норвежские викинги заселили сперва Исландию, потом все юго-западное побережье Гренландии. К тому времени, когда Колумб поднял паруса, они жили там постоянно пятьсот лет. Это подтверждают многочисленные могилы и развалины хуторов, шестнадцать церквей, двух монастырей и усадьбы епископа, который поддерживал связь с папой римским, используя регулярное морское сообщение с Норвегией. Колония платила дань норвежскому королю.

Путь от Норвегии до поселений викингов в Гренландии через Северную Атлантику равен пути от Африки до Бразилии через Южную Атлантику. От Гренландии оставалось совсем немного до американского материка. Изоляционисты говорили, что этот последний отрезок не удалось одолеть.

Он был преодолен, утверждали древние саги. Бьярне Херюльфссон первым пересек пролив на своей ладье, пересек нечаянно, сбившись с курса в тумане. Однако он не стал причаливать к неведомым берегам, а повернул назад, в Гренландию. Вскоре его корабль купил Лейв Эйрикссон, сын Эйрика Рыжего, того самого, который открыл Гренландию. Около 1002 года Лейв с командой из тридцати пяти человек вышел из Гренландии на юго-запад. Отряд Лейва первым высадился на берег новой земли, названной ими Винландом, построил там дома, перезимовал и только потом вернулся в Гренландию. На следующий год брат Лейва, Турвалд Эйрикссон, пересек пролив и поселился со своими людьми в домах, оставленных Лейвом. Через два года, исследуя лесистые берега, он был убит стрелой в схватке с коренными жителями. Тридцать дружинников похоронили его в Винланде и ушли домой, в Гренландию. Затем в Винланд на двух кораблях отправился Турфинн Карлсэвне вместе со своей женой Гюдрид и многочисленной командой. С ними была дочь Эйрика Рыжего, Фрэйдис; на этот раз норманны взяли с собой скот, намереваясь прочно обосноваться в новом краю. Гюдрид родила в Винланде сына – Снорре. Однако участвовавшие в нападении многочисленных отрядов «скрелингов» (индейцев) в конце концов вынудили поселенцев уйти. Понеся большие потери, они бросили свои усадьбы и вернулись кто в Гренландию, кто в Европу.

Рукописные саги изобилуют реалистичными деталями. Берега и пути кораблей описаны так подробно, что нельзя сомневаться: да, викинги открыли Винланд и попытались обжить новую страну в первые десять – пятнадцать лет после 1000 года.

Но где находился Винланд? Докажите, что Винланд – это Америка, твердили изоляционисты много лет. И вот – сенсация: XXXVII Конгресс американистов получил доказательства.

Место, где викинги около 1000 года высадились на берег и построили свои дома, – Ланс-о-Мидоуз на северной оконечности Ньюфаундленда. Здесь до наших дней под дерном сохранились следы типичного норманнского жилья. Остатки древесного угля позволили произвести радиоуглеродную датировку с десятикратной проверкой. Она показала, что дома появились как раз в то время, о котором говорится в сагах.

Индейцы не знали до Колумба железа, а здесь нашли остатки железных гвоздей, нашли болотную руду в примитивной кузнице. Северные индейцы не знали ткачества, а тут лежало под дерном типично норманнское пряслице из стеатита.

Открыл все это известный норвежский специалист по Гренландии, историк Хельге Ингстад. Он отыскал заветное место, тщательно изучив древние исландские записи. А раскопками руководила его жена, археолог Анна Стина Ингстад; ей помогали видные американские археологи. Против фактов нечего было возразить. Викинги побывали на Ньюфаундленде. Они первыми дошли до Америки через Атлантический океан.

Но, говорили изоляционисты, викинги пришли и ушли, не оставив никакого следа, кроме обросших травой земляных валов. Их посещение никак не повлияло на ход истории, индейцы прогнали норманнов и зажили по-старому. Согласно сагам, они успели получить от викингов лишь несколько кусков красной материи раньше, чем кровавые схватки положили конец всякой меновой торговле.

Да, норманны не осели прочно в Америке. И все-таки на севере человек достиг Нового Света и с востока, и с запада до того, как Колумб прошел через океан в тропических широтах.

В Южной Атлантике изоляционисты взяли верх. Здесь развернулась главная баталия. Никто не мог предъявить осязаемых доказательств того, что мореплаватели достигали Мексики до испанцев. К письменным источникам коренных жителей Мексики относились еще более пренебрежительно, чем к сагам викингов. Их сказания о доколумбовых пришельцах – белых бородатых людях – нельзя было подтвердить. И штурм диффузионистов был отбит так же

легко, как прежде. Культурные параллели на востоке и западе были для их противников пустым звуком. Поединок закончился тем, что изоляционисты сохранили прочные позиции. И ведь у них был важный аргумент, с которым нельзя было не соглашаться: если народ древней культуры с мореходным опытом пересек океан и научил индейцев писать на бумаге и строить дома из кирпича, он должен был также научить их строить суда. Невозможно, чтобы люди, умеющие воздвигать пирамиды, одолели океан, не умея строить кораблей. Египтяне за 2700 лет до нашей эры уже строили настоящие деревянные корабли с полым корпусом, палубным настилом и каютами из струганых досок, а индейцы до этого так и не додумались. Во всем Новом Свете до Колумба делали только камышовые лодки, плоты, долбленки да каноэ из кожи. Против этого факта нечего было возразить. Настоящее судостроение возникло в Новом Свете только с появлением Колумба и его товарищей.

Камышовые лодки, плоты, долбленки. Опять они... Бальсовый плот вполне мореходен, но на нем можно было плыть только из Америки, а не в нее, потому что до прихода испанцев бальса не росла в других частях света. Зато камыш, осока, тростник росли повсюду. И уж конечно, на Ниле и в Малой Азии.

– Ивон, – сказал я жене, – надо будет отправиться в Анды, еще раз посмотреть на американские камышовые лодки.

Мы пригласили с собой супругов Ингстад: пусть убедятся, что не одни викинги умели строить изящные суда. Не успел закрыться конгресс, как мы вылетели в Ла-Пас в Боливии и на следующий день уже были на берегу Титикаки, небесно-голубого озера на высоте около 4 тысяч метров над уровнем моря, вокруг которого еще на две с лишним тысячи метров вздымаются вверх снежные пики. На прилегающем к озеру плато лежали развалины Тиауанако, культурного центра и самой могущественной столицы Южной Америки доинкской поры: пирамида Акапана, мегалитические стены, огромные каменные статуи неведомых священных правителей. А на озере, маневрируя на сильном ветру, ходили лодки рыбаков из племени аймара. Издали виден лишь наполненный ветром парус, на большинстве лодок – из ветхой парусины, но кое-кто, оставшись верным старой традиции, поднял на двуногой мачте большую циновку из золотистого камыша тотора. Три лодки шли полным ходом прямо на нас, вот уже видно индейцев в полосатых остроконечных шапочках, и можно рассмотреть конструкцию лодки. Изумительно. Мастерская работа. Каждая камышинка уложена предельно тщательно, симметрия безупречная, изящные, плавные обводы; сигары из камыша связаны настолько туго, что больше похожи

на надутые воздухом понтоны или позолоченные бревна, у которых оба конца заострены и загнуты вверх, будто носок деревянного башмака. Стремительно рассекая воду, лодки вошли в просвет в камышах и с ходу врезались в илистое дно. Причалив таким способом, индейцы вброд дошли до берега со своим уловом.

Лодки этого своеобразного типа и в наши дни вяжут тысячами во всех концах огромного внутреннего моря. Точно так же они выглядели четыреста лет назад, когда сюда пришли испанцы и обнаружили заброшенные развалины Тиауанако, увидели сориентированную по Солнцу пирамиду и каменных истуканов, созданных, по словам индейцев аймара, на заре времен народом виракоча, белокожими бородатыми людьми под предводительством Кон-Тики-Виракочи, солнечного наместника на земле. Сперва виракочи поселились на острове Солнца. Предание сообщает, что они связали первые камышовые лодки. Легенда, записанная испанцами 4 века назад, по-прежнему жива среди индейцев озера Титикака. Сколько раз меня тут величали «виракоча» – так аймара здесь по сей день называют белых.

Как же все это понимать?..

Вот они снова передо мной – огромные глыбы весом от пятидесяти до ста тонн, обтесанные и пригнанные друг к другу с точностью до долей миллиметра. И изящные, как произведение искусства, лодки из камыша бороздят озеро сегодня, как они его бороздили в ту далекую пору, когда на таких же судах возили с той стороны камень из потухшего вулкана Капиа для пирамиды Акапана. Нет никаких причин сомневаться, что современная наука права, допуская связь между этой погибшей культурой и другими центрами древних американских культур, следы которых протянулись цепочкой через глухие дебри от Мексики до перуанского нагорья. До того как гигантские доинкские сооружения Тиауанако превратились в развалины, здесь была столица одной из самых могущественных империй мира, чье влияние распространялось на всю территорию нынешнего Перу и на прилегающие части Эквадора, Боливии, Чили, Бразилии и Аргентины. Приморская полоса длиной не меньше 2300 километров испытала влияние искусства и религии, исходящее из имперской столицы на берегу горного озера; и все эти тысячи километров тогда, как и теперь, омывались могучим океанским течением, которое доставило плот «Кон-Тики» прямо в Полинезию. Черепки керамики, характерной для приморской культуры Тиауанако, найдены на Галапагосских островах, в тысяче километрах от материка, а древнейшие статуи, найденные археологами в почве острова Пасхи,

очень схожи с тиауанакскими образцами. То же можно сказать о камышовых лодках. Не приходится сомневаться, что культура острова Пасхи – только ветвь, возможно последняя, верхняя ветвь могучего дерева. Но где его корень? Здесь, в Америке? Или по ту сторону Атлантики? Кто прав, изоляционисты или диффузионисты? На конгрессе их голоса прозвучали одинаково неубедительно. Как руководитель симпозиума, я занял нейтральную позицию. Хотя в одном был совершенно уверен: и те и другие недооценивали тиауанакскую лодку. Не так уж плоха камышовая лодка, если жива по сей день, после четырехвекового контакта с европейской культурой.

Ладно, деревянные корабли знали только по одну сторону Атлантического океана. Но суда из стеблей водных растений вязали и там и тут – это же одна из шестидесяти черт сходства. Искусство строить такие лодки исстари было известно в Египте и Перу. Только в этих двух странах? Нет. Здесь мне виделся маленький изъян в рассуждениях исследователей: камышовые лодки не были таким обособленным явлением, как остальные пятьдесят девять сходных элементов культуры в перечне. Почти никто не изучал их распространение в прошлом. Но кое-какие сведения я все же нашел. В частности, лодками из камыша и папируса пользовались в Месопотамии, на островах Средиземного моря, на атлантическом побережье Марокко южнее Гибралтара и в древней Мексике. А путь от Марокко до Мексики уже не выглядел таким неодолимым и немыслимым, как расстояние между крайними точками – Египтом и Перу.

И я решил построить лодку из папируса.

Глава 3

К индейцам кактусового леса. – Мексика

Море. Кактусы. Клочок моря в просвете между колючими исполинами. Сказочный мир. Стою, словно лилипутик, и, задрвав голову, рассматриваю макушки зеленых великанов. То словно друза органных труб, то многорукие подсвечники возвышаются над царством раскормленных толстяков и дородных верзил. А ведь почва у меня под ногами – всего лишь сухая корка спекшегося, бесплодного песка. Ни травы, ни цветов, если не считать красные и желтые соцветия между шипами на могучих мускулах зеленых богатырей. Планета кактусов... У ног

великанов стояли, лежали, извивались колючие шары, колбасы, коленчатые валы. В лучах вечернего солнца они напоминали то балансирующие друг на друге тарелки и вилки эквилибриста, то оцетинившиеся гвоздями старые подметки, то куски колючей проволоки, то извивающиеся кошачьи хвосты. Лес был безмолвен и недвижим. Не шуршали даже листья на единичных экземплярах узловатого железного дерева, которые изгибались и так и смяк, спасаясь от вездесущих шипов.

Пустынный заяц беззвучно выскочил из густых теней на солнце, посидел, подняв торчком длинные уши, поглядел в одну, в другую сторону и поспешил дальше. Крохотный полосатый бурундучок стремглав пересек его путь, вдруг замер на месте, подняв кверху хвостик, и тут же засеменил прочь через заколдованный лес – будто косматый мячик покатился. На самой высокой ветке зеленого тройного канделябра, вознесенный над всем светом, сидел орел. Он сидел неподвижно, пока я не подошел вплотную к стволу, и только тогда тихо расправил крылья и поплыл над волшебным лесом. Казалось, не орел скользит по воздуху – я вместе с кактусами ухожу назад, а он теряется вдали, пригвожденный к небосводу. И тишина кругом, лишь мои подошвы хрустят, давя песчаную корку и проваливаясь в потайные норки земляных крыс, змей и прочих тварей пустыни. Только что в этом царстве безмолвия мой слух уловил другой звук, совсем негромкий, однако не менее впечатляющий, чем грозное рыканье льва. Словно кто-то потрянул коробку со спичками. Зловещий сигнал тревоги на универсальном языке самой природы. Услышав его, даже тот, кто никогда не видел гремучей змеи, живо отскочит в сторону. С трепещущим в воздухе языком и сверкающими глазами змея приготовилась к атаке и покачивала поднятым вверх хвостом. Сухие, будто сделанные из светлого пластика кольца трещотки сердито подрагивали. Я лихорадочно искал взглядом палку или хотя бы ветку, чтобы расправиться с гадиной. Но кругом стояли одни кактусы, а их колючие мясистые побеги ломались, как огурец, когда я пытался ими пришибить извивающуюся гадину. Я основательно наплясался, прежде чем нашел твердый высохший стебель и смог оглушить змею. Не давая ей очнуться, я довел расправу до конца, и только хвост гремучей змеи продолжал судорожно вздрагивать.

В этом краю кактусов мы очутились в поисках лодочных мастеров. Хоть бы одно настоящее дерево, чтобы с него можно было высмотреть дорогу! Мой мексиканский друг Рамон Браво ушел куда-то налево искать скалу для обзора, а его жена Анжелика и наш друг Герман Карраско остались ждать в джипе, там, где мы – в который раз! – потеряли колею. Мне посчастливилось: я наконец-то увидел море. Место приметное, рядом со мной высился этакий живой монумент –

кактус в виде трезубца Нептуна, толстенный, хоть прячься за него. Это на нем сидел орел. Ему сверху, наверно, были видны и берег, и в другой стороне – иссеченные рыжие скалы, вдоль которых мы тряслись на нашей машине, пока поминутно разветвляющаяся колея не затерялась совсем в кактусовом лесу. А я видел только серебристые блики солнца на водной глади да голубеющие вдали горы за заливом. Вполне достаточно, чтобы наметить курс. И мы покатали дальше по заколдованному лесу, спеша достичь цели до захода солнца.

Неожиданно кактусы расступились, сменившись низким вечнозеленым кустарником, и нашему взору предстало море и открытый девственный пляж с бахромой тихо плещущихся волн. Пять черных китовых спин, стремительно рассекая воду, шли прямо на нас. В последнюю секунду они нырнули, зато в воздух взмыл целый каскад мелкой рыбешки, и с минуту вода у берега буквально кипела, пока серебристая мелюзга не рассеялась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/heyerdal_tur/ra

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)